

18+

Павловский Посад

← ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ #КИБЕРПУТЕВОДИТЕЛЬ

ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Галина Шкирдова

Павловский Посад. Это моя земля

«Издательские решения»

Шкирдова Г.

Павловский Посад. Это моя земля / Г. Шкирдова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620843-8

ISBN 978-5-00-620843-8

© Шкирдова Г.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность партнерам	6
Жюри литературного конкурса	7
Предисловие от депутата Московской областной думы	8
Предисловие от главы Павлово-Посадского городского округа	9
Предисловие от Школы дизайна НИУ ВШЭ	10
Предисловие от Федерального центра гуманитарных практик	11
Литературный	13
Николай Иванович Пастухов	14
Сергей Николаевич Сергеев-Ценский	16
История Покровско-Васильевского монастыря и святого праведного Василия Павлово-Посадского	17
Сказ о старопавловской шали	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Павловский Посад. Это моя земля

Авторы: Ушакова Ирина, Ситнов Виктор, Мордвинкин Иван, Попова Татьяна, Шкирдова Галина, Опарин Александр, Березницкая Татиана, Шехур Дина, Резцов Данила, Ростиславова Настасья, Пантелеева Ольга, Безменова Ева, Снимщикова Татьяна, Круглова Елена, Трусова Екатерина, Колосова Ида, Перова Анжелика, Горянин Дмитрий, Мышенко Маргарита, Ефимова Светлана

Продюсер Андрей Сулейков
Главный редактор Елена Наймушина
Главный консультант Алексей Пищулин
Иллюстратор Наталия Венедиктова
Сопродюсер Анастасия Подорожная
Эксперт Яна Боднева
Корректор Ольга Рыбина

© Ирина Ушакова, 2024
© Виктор Ситнов, 2024
© Иван Мордвинкин, 2024
© Татьяна Попова, 2024
© Галина Шкирдова, 2024
© Александр Опарин, 2024
© Татиана Березницкая, 2024
© Дина Шехур, 2024
© Данила Резцов, 2024
© Настасья Ростиславова, 2024
© Ольга Пантелеева, 2024
© Ева Безменова, 2024
© Татьяна Снимщикова, 2024
© Елена Круглова, 2024
© Екатерина Трусова, 2024
© Ида Колосова, 2024
© Анжелика Перова, 2024
© Дмитрий Горянин, 2024
© Маргарита Мышенко, 2024
© Светлана Ефимова, 2024
© Наталия Венедиктова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-0843-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность партнерам

Издательство «Это моя земля», жюри литературного конкурса «Павловский Посад», оргкомитет киберпутеводителя выражают сердечную признательность партнерам проекта, благодаря которым состоялись конкурс легенд и создание сборника:

- Администрация Павлово-Посадского городского округа Московской области;
- МУК «Павлово-Посадский музейно-выставочный комплекс»;
- Телевидение «Радуга» г. Павловский Посад и главный редактор Анна Суница;
- Союз «Восточная торгово-промышленная палата Московской области»;
- ТИЦ Павлово-Посадского городского округа Московской области;
- Филиал РГСУ в Павлово-Посадском городском округе Московской области;
- Министерство науки и высшего образования Российской Федерации;
- Федеральный центр гуманитарных практик;
- Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»;
- Школа дизайна НИУ ВШЭ;
- Президентская платформа «Россия – страна возможностей»;
- Программа «Другое дело»;
- Издательство «Литературная газета»;
- Редакция «Комсомольская правда»;
- ОСИГ – Общенациональный Союз Индустрии Гостеприимства;
- Вести Туризм – информационное интернет-агентство;
- Интурмаркет – международная туристическая выставка;
- Издательство «Аппреал»;
- Brand Analytics – система мониторинга и анализа социальных медиа.

Жюри литературного конкурса

Замшев Максим Адольфович

Российский писатель, поэт и прозаик, публицист, литературный критик, переводчик с румынского и сербского языков.

Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2010). Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Главный редактор «Литературной газеты».

Пищулин Алексей Юрьевич

Директор Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Главный редактор художественного иллюстрированного журнала «Мир Музея». Сценарист и режиссер телевизионных документальных фильмов.

Сулейков Андрей Владленович

Продюсер Федерального центра гуманитарных практик РГГУ (ФЦГП). Автор курса и преподаватель сторителлинга. Член Союза писателей России. Коллекционер городских легенд.

Суница Анна Андреевна

Член Союза журналистов России, главный редактор телеканала «Радуга», председатель Павлово-Посадского отделения Союза журналистов Подмоскovie, депутат Совета депутатов Павлово-Посадского городского округа.

Ушакова Ирина Константиновна

Кандидат исторических наук, доцент, директор муниципального учреждения культуры Павлово-Посадского городского округа Московской области «Павлово-Посадский музейно-выставочный комплекс».

Предисловие от депутата Московской областной думы

С чем у вас ассоциируется ваш родной город, село или деревня? У каждого места есть свой культурный код, буквально зашитый в сознание целых поколений. Скажите прямо сейчас вслух: «Павловский Посад». Перед глазами сразу появляется образ платка с огненно-красным цветочным орнаментом. Вот он, тот самый символ национальной идентичности в действии.

Есть у этого понятия и его фольклорная часть. Менее известная широким массам, но более близкая и понятная коренным жителям – это в том числе сказки, мифы и легенды. Такие истории передаются из поколения в поколение, обрастают новыми невероятными подробностями и в конце концов вырываются за границы своей местности, становятся широко известными. И у Павловского Посада есть такие легенды, которые вы прочитаете в этой книге.

Истории – это часть жизни народа, его развития. Это такой же культурный код, далеко не менее ценный, чем главные городские «бренды». Легенды, мифы и сказания – это ведь про огромную любовь к родному краю, к родной земле. Каждую из них рассказывают с гордостью, особенно людям родом из других мест. Всегда же приятно сказать про свое родное место: «Такое могло произойти только здесь».

В сборнике «Павловский Посад. Это моя земля» как раз и собраны такие истории – которые могли произойти только здесь. Читайте, наслаждайтесь и гордитесь своим родным краем.

#

*Линара Раимовна Самединова,
Председатель Комитета по образованию, культуре, науке, туризму,
спорту и молодежной политике
Московской областной думы*

Предисловие от главы Павлово-Посадского городского округа

История любого города сосуществует с мифами и легендами. То, что нельзя подтвердить документально, становится преданием и передается из поколения в поколение.

Легенды не рождаются просто так. Этому способствует событие, место, человек. Павловский Посад – не исключение.

На нашей земле происходило много исторических событий. Пребывание здесь князя Даниила Московского окутано легендой, но сохранились реальные названия: озеро Данилищево, поселок Большой Двор. С именем святого благоверного князя также связано много рассказов о его защите нашей земли в тяжелые времена. События Отечественной войны 1812 года в Вохонской волости породили немалое число историй о героических поступках наших крестьян из отряда самообороны в борьбе с наполеоновской армией. Наш город имеет «своего» святого – Праведный Василий Павлово-Посадский. Легенды и рассказы о его помощи живы среди местного населения.

Гуляя по старинным улочкам нашего города, невольно переносишься в прошлые века и представляешь, каким был быт и досуг горожан, чем они жили. Наша колокольня с ее уникальными часами-курантами видела многое, но свято хранит все тайны прошлого.

Литературный конкурс «Павловский Посад. Это моя земля» – это возможность рассказать потомкам о своей малой Родине. Когда-то наши времена станут далеким прошлым и то, что сейчас основано на реальных событиях, местах, именах, станет городской легендой.

#

Денис Олегович Семенов,

Глава Павлово-Посадского городского округа Московской области

Предисловие от Школы дизайна НИУ ВШЭ

Сейчас много говорится о задачах, о туристической привлекательности российских регионов, о создании среды, привлекательной для населения. Роль дизайнера в решении подобных задач важна не только на стадии «упаковки» и создания образа и пространств, но и на этапах исследования, осмысления, переосмысления и формирования локальной идентичности, событийности и вообще нарратива.

Студенты Школы дизайна часто обращаются к тематике локальной идентичности. В рамках развития цифровой инфраструктуры и системы портфолио в Школе дизайна организован медиа-ресурс «Креативный город» – цифровая платформа, объединяющая образовательные инициативы. «Креативный город» – это портфолио проектов, связанных с региональной спецификой, демонстрирующих уже состоявшееся или возможное развитие креативной индустрии в регионе, а также медиа-проекты, которые способствуют повышению привлекательности регионов.

Задача авторского курса «Сторителлинг» – продюсировать контент, который способствует развитию интереса к региональной тематике. Тексты становятся основой путеводителей, повышающих интерес к местам, людям, событиям. Легенды, созданные в рамках курса, становятся основой работ студентов других профилей: иллюстраторов, создателей комиксов, видеоигр.

Результаты образовательной проектной деятельности студентов побеждают в открытых литературных конкурсах. Студенты продвигают личный авторский бренд и способствуют продвижению регионов России в мультимедийных форматах.

#

***Наталья Логотова,
заместитель руководителя
Школы дизайна НИУ ВШЭ***

Предисловие от Федерального центра гуманитарных практик

Повествовать о тех, кто живет рядом с тобой, трудно и легко одновременно.

Трудно, потому что не все, что лежит на поверхности, есть правда. Легко, потому что это часть нашей жизни, нашего повседневного бытования, нашего общения, наших переживаний, наших ценностей, наших традиций. Так, казалось, и должно было бы сочинять о людях, которых любишь или которых, напротив, недолюбливаешь, петь эту песню без начала и без конца. Однако в том-то и вся загвоздка, что никто из нас не может существовать вне пространства, вне кордона, в котором родился, где рос, где этих самых близких людей встретил и узнал.

Стало быть, выходит, что особую роль в этом повествовании играет именно местность, частью которой все мы являемся – будь то Москва или Владимир, Павловский Посад или Вологда, Воронеж или Можайск. А у всякой местности, как известно, есть свои тайны, загадки, свои мифы, внутри которых мы все вместе и обитаем в поисках гармонии, развития и естества.

Трудно ли это?

Трудно и легко одновременно...

#

Максим Гуреев,

писатель, эксперт Федерального центра гуманитарных практик РГГУ

Литературный Павловский Посад Ирина Константиновна Ушакова

Павловский Посад находится на востоке Московской области. Он расположен на реках Вохна и Клязьма в 68 км от Москвы по Нижегородской железной дороге.

История местности, где расположен Павловский Посад, насчитывает тысячелетия. Археологические раскопки свидетельствуют, что на берегах рек Клязьмы и Вохны находились стоянки первобытных людей каменного века. Первое письменное упоминание о местности с древним названием Вохна значится в духовном завещании Великого князя Московского Ивана Даниловича Калиты в 1339 году.

Малоплодородные земли и неблагоприятные условия для сельскохозяйственного труда способствовали развитию в этой местности промыслов и торговли. К началу XIX века основными занятиями жителей были шелкоткачество и набивка рисунка по шерстяным и хлопчатобумажным тканям и платкам.

Посад с общим названием Павловский был основан по Указу императора Николая I в 1844 году из села Вохны (Павлово) и четырех смежных деревень: Захарово, Усово, Меленки и Дуброво. Предприимчивость местных купцов и талант жителей прославили Павловский Посад на весь мир: набивные платки и шали входят в золотой фонд декоративно-прикладного искусства России. В 1861 году через город пролегла железная дорога на Нижний Новгород, соединив его удобными путями с Москвой и Владимиром. Данный факт оказал значительное влияние на развитие местной текстильной промышленности и купеческой торговли. Постепенно город, его купцы и обыватели становились известными не только в уездном центре – городе Богородске, но и в двух столицах – Москве и Санкт-Петербурге.

Купцы Павловского Посада торговали с Востоком по Шелковому пути и с западными странами. Продукция крупных мануфактур Лабзина и Грязнова, Абрамова, Соколикосова и Заглодина стала известна в России и за рубежом. Шелковые и парчовые ткани, платки и шали с набивным рисунком завоевывали призы и медали на Международных выставках в Париже, Лондоне, Брюсселе и Мюнхене. Павловопосадские фабриканты открывали торговые дома в крупных городах России.

К началу XX века Павловский Посад сложился как типичный русский купеческий город с традиционной застройкой. Текстильная промышленность определила облик города. Добротные каменные купеческие дома с мезонинами, красивые резные наличники деревянных домов и сегодня создают атмосферу старинного русского города. Вокруг каждой мануфактуры – слобода с фабричными зданиями, больницей, школой, жильем для специалистов и рабочих. В центре города – главная торговая площадь с рядами лавок и магазинов, жилыми домами купцов, гостинными дворами и трактирами. В городе ежегодно проводилось несколько ярмарок, и товары свозились со всей округи.

Купцы и фабриканты делали большие вклады в строительство и убранство храмов, были попечителями школ и больниц, организовывали клубы для занятий спортом и театральные кружки.

Статьи о Павловском Посаде в российской прессе и особенно беллетристике в дореволюционный период встречаются довольно редко, поэтому любое упоминание о родном городе является ценным для современного читателя и позволяет увидеть и открыть для себя историю города любителям литературы через произведения русских писателей, жизнь и творчество которых так или иначе в разные исторические периоды были связаны с Павловским Посадом.

Николай Иванович Пастухов

Николай Иванович Пастухов (1831—1911) – российский предприниматель, издатель, основатель газеты «Московский листок».

«Это яркая, можно сказать, неповторимая фигура своего времени: безграмотный редактор на фоне безграмотных читателей, понявших и полюбивших этого человека, умевшего говорить на их языке», – так характеризует Н. И. Пастухова известный московский журналист, писатель Владимир Алексеевич Гиляровский.

Николай Иванович Пастухов родился в 1831 году в Смоленской губернии в мещанской семье. В юности его образование было ограничено умением читать и считать. Рано оставив учебу, он работал разъездным контролером и поверенным по винным откупам. В 25-летнем возрасте уехал в Москву, где, скопив денег, открыл пивную лавку на Арбатской площади.

К числу завсегдатаев заведения относились будущий адвокат Плевако и его однокурсники. Их разговоры стали основой для самообразования Пастухова: он начал читать те книги, что обсуждали студенты, и писать заметки для «Современных известий» и «Петербургского листка» (там они печатались под рубрикой «Письма из Москвы»). Сотрудничая с газетами, Н. И. Пастухов постепенно приобретает опыт репортера и беллетриста.

В 1880 году начинающий репортер приезжает в Павловский Посад, тогда заштатный город Московской губернии. Под впечатлением от увиденного он пишет бытовой очерк «*Лабзинский посад*».

Это яркий и колоритный калейдоскоп зарисовок, картинок и сценок из жизни павловских обывателей в период расцвета предпринимательского дела и личной славы достойного и типичного представителя своего класса и фамильной династии – крупнейшего местного купца и фабриканта Якова Ивановича Лабзина (1827—1891). В очерке его фамилия, как и некоторые детали реальных событий и фактов (видимо, в силу законов художественного жанра), автором изменены.

В 1881 году Николай Иванович Пастухов загорелся идеей (подсказанной ему Плевако) выпускать первую газету специально для простонародья, чтобы ее читали дворники, извозчики, прислуга, деревенские мужики. Для этого он сделал ее попроще и печатал на дешевой бумаге. Газета получила название «Московский листок». На страницах газеты Пастухов публиковал сплетни, скандальные истории, но успех ее обеспечивали репортажи и фельетоны. Репортерские заметки, помещенные в рубриках «По улицам и переулкам», «Советы и ответы», «По городам и селам», рассказывали о происшествиях в Москве и Московской губернии.

На рубеже XIX—XX веков «Московский листок» становится одной из самых популярных газет в России. Тиражи исчислялись десятками тысяч, а читательская аудитория охватывала всю страну.

В 1882 году на страницах «Московского листка» Пастухов начал печатать собственный роман «Разбойник Чуркин». В основу романа легли материалы уголовного дела с протоколами и перепиской о банде атамана Чуркина, недавно орудовавшей в Подмосковье. Для сбора материала о разбойнике издатель отправил лучшего репортера русской журналистики Владимира Алексеевича Гиляровского.

Василий Чуркин был уроженцем востока Подмосковья и происходил из деревни Барская (ныне Орехово-Зуевский район). Гиляровский побывал в Куровском, Запоторье, Павловском Посаде, Ильинском Погосте, Гуслицком монастыре, везде, где жил и действовал Чуркин. Общался с теми, кто знал Василия Чуркина – трактирщиками, крестьянами, с супругой атамана Ариной Ефимовной. В окрестностях многих населенных пунктов сохранились так называемые Чуркины поляны. Выяснилось, что шайка в 1870-е годы действовала на огромной тер-

ритории от Москвы до Владимира. Чаще всего разбойники промышляли на Носовихинском тракте и на знаменитой Владимирской дороге, устраивая здесь лежбища и засады.

Вернувшись из поездки, Гиляровский представил редактору собранные свидетельства, но Пастухов, отбросив многие факты, начал создавать свой литературный образ разбойника Чуркина. По мере развития сюжета основной персонаж произведения все больше приобретал черты народного героя и все больше и больше завоевывал читательскую аудиторию. Постепенно Чуркин становился подмосковным Робин Гудом. Это стало причиной недовольства московского генерал-губернатора Владимира Долгорукова, который пригрозил Пастухову закрыть газету в случае продолжения публикации романа. Так деяниям разбойника пришел конец.

Популярность газеты сделала Николая Пастухова заметной фигурой в жизни Москвы. С ее страниц периодически звучали призывы к читателям об участии в различных общественных сборах. Сам издатель пожертвовал 25 тысяч рублей на обустройство музея изящных искусств. Будучи любителем рыбной ловли, он собрал единомышленников и создал первый в столице «Кружок рыболовства». В качестве почетного гостя основатель «Московского листка» приглашался на балы к французскому президенту. Среди наград, которых удостоен Н. И. Пастухов, ордена Святого Святослава III и II степеней; ордена Святой Анны III и II степеней; болгарский орден «За гражданские заслуги», III сербский орден Святого Саввы, корреспондентские коронационные знаки.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (1875—1958) – выдающийся русский советский писатель. Родился 18 (30) сентября 1875 года в селе Бабино Тамбовского уезда и той же губернии (ныне село Преображенье Рассказовского района Тамбовской области), в семье учителя. В 1890 году окончил уездное училище, поступил в приготовительный класс Екатеринбургского учительского института, начал писать стихи. В 1892 году в «Тамбовских губернских ведомостях» был опубликован его первый прозаический опыт «Кочетовская плотина». В это время он прибавляет к своей фамилии псевдоним Ценский, который взят писателем от названия реки Цны, на берегах которой прошло его детство. В 1895 году окончил Глуховский учительский институт с медалью. Затем несколько лет работал преподавателем в ряде учебных округов России.

Свою литературную деятельность Сергеев-Ценский начал как поэт, выпустив в 1901 году сборник стихотворений «Думы и грезы». В 1902 году Сергеев-Ценский преподает математику в четырехклассном училище в провинциальном городе Павловский Посад. В 1903 году в журнале «Русская мысль» появился его рассказ «Тундра», сделавший имя молодого писателя известным в литературных кругах. Сюжетами и героями следующих рассказов явились реальные события и люди.

Литературоведы в своих исследованиях уделили значительное внимание павловопосадскому периоду жизни Сергеева-Ценского. В рассказах «Погост» и «Колокольчик», которые критики признали достаточно зрелыми, писатель рисует картины ущербного существования одиноких слабых людей. Человек оказывается во власти непреодолимой силы, не находя в себе силы воли бороться за свои мечты. Рассказ «Медуза» автобиографичен. Он написан под впечатлением работы в городском училище. В нем заключена острая социальная сатира на порядки, господствующие в системе школьного образования. В основе сюжета конфликт между инспектором городского училища Кирилловым по прозвищу «Медуза», рутинера, интригана, доносчика, и молодым учителем-новатором Данковым, в котором писатель изобразил себя.

В 1904 году Сергеева-Ценского призывают в армию, после окончания Русско-японской войны он увольняется в запас, а в 1905 году уходит в отставку с учительской службы в чине коллежского асессора. В 1906 году Сергеев-Ценский покупает участок земли в Алуште. С этого времени литература становится его главным делом. В 1907 году вышел принесший ему мировую известность роман «Бабаев».

Главным произведением Сергеева-Ценского является многотомная эпопея «Преображение России», в которую вошли двенадцать романов, три повести и два этюда, созданные на протяжении сорока пяти лет. В ней широко показана жизнь дореволюционного русского общества, события Первой мировой войны 1914—1918 годов и Февральская революция 1917 года.

В 1943 году писатель получил степень доктора филологических наук за произведения о русских классиках и был избран действительным членом Академии наук СССР. Сергеев-Ценский имел правительственные награды. В день 80-летия, 30 сентября 1955 года, был награжден орденом Ленина. Умер 3 декабря 1958 года. Похоронен в Алуште на территории своего дома-музея.

История Покровско-Васильевского монастыря и святого праведного Василия Павлово-Посадского Ирина Ушакова

В русской провинции храм всегда был центром хозяйственной и культурной жизни округа, поэтому история строительства и деятельности, закрытия и разрушения православных храмов неразрывно связана с историей края. Все основные события в жизни каждого человека от рождения до смерти были связаны с храмом, а православные праздники регулировали жизнь и занятия людей в течение года. В маленьких провинциальных городках, выросших из сел и деревень, где мещанин еще на протяжении нескольких поколений в бытовом и хозяйственном отношении являлся крестьянином, храм долго оставался центром и определителем жизни округа.

Русская православная церковь проводила активную деятельность на территории Богородского уезда и, в частности, в Павловском Посаде, который с 1844 года считался заштатным городом (до этого село Вохна и окрестные деревни) уезда. С конца XVII века в южной части Богородского уезда, в так называемых Гуслицах, селились старообрядцы – хранители древнерусских традиций и обрядов, «древлего благочестия», не принявшие церковных реформ патриарха Никона. Со временем здесь образовался один из крупнейших старообрядческих центров, официальная пресса конца XIX века называла Гуслицы «старообрядческой Палестиной».

По статистике, на рубеже XIX—XX веков каждый третий житель Богородского уезда являлся старообрядцем. Исследователь Богородского уезда, современник событий отмечает, что «открытие православной общины в этой местности, в которой преобладают раскольники, является весьма желательным для укрепления и развития православия». Покровско-Васильевский храм и монастырь были основаны и содержались на средства семьи Лабзиных. Начал строительство храма глава семьи Яков Иванович Лабзин – купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, владелец крупнейшей фабрики, на которой производились шерстяные и хлопчатобумажные ткани, а также шерстяные набивные шали, знаменитые павловопосадские шали, известные не только в России, но и во всем мире. По рассказам старожилов, Яков Иванович был влиятельнейшим лицом в городе, его портреты, отпечатанные типографским способом, висели во многих городских учреждениях и домах граждан.

Строительство Покровско-Васильевского храма и учреждение при нем сначала женской общины, а затем монастыря неразрывно связано с жизнью и деятельностью другого жителя Павловского Посада – Василия Ивановича Грязнова. В. И. Грязнов – купец первой гильдии, родной брат жены Я. И. Лабзина, они были компаньонами, совладельцами платочного производства. После смерти Грязнова Лабзин начинает строительство храма на могиле своего родственника и делового партнера, а нижний этаж храма был освящен в честь Василия Исповедника, чье имя носил В. И. Грязнов.

В. И. Грязнов родился в 1816 году. Как описывается в его Житии, в юности его образ жизни был далек от праведного. «Дух мира сего стал тревожить его неокрепшую душу, дурное сообщество фабричных подростков толкало на путь порока, навыки добродетельной жизни, усвоенные в семье, стали ослабевать, а благое рассуждение стало его по временам оставлять». Но однажды на его глазах внезапно умер его товарищ, умер в тот момент, когда произнес хулу на икону Божией Матери. И Василий Грязнов услышал голос, призывающий его изменить образ жизни, а если он не справится, то и его ожидает такой же конец.

Однако точных документальных свидетельств о его жизни и деятельности в 1830—1840-е годы нет. В одном из документов рассказывается, что в 1845 году в Павловском Посаде состоялось следствие по доносу о том, что В. Грязнов организовал «секту под названием фармазон-

ской». В Житии упоминается, что «Василий Иванович и близкие ему по духовной настроенности люди, ищущие истинного благочестия, стали собираться вместе для чтения Священного Писания и святоотеческих книг». То есть донос имел в своем основании реальные факты: под руководством Грязнова собирались его родственники и друзья с целью изучения и толкования христианского учения, хотя монопольное право на это принадлежало священнослужителям Русской православной церкви. Из Москвы в Павловский Посад для проверки фактов и проведения следствия на месте приехали жандармский полковник князь Хилков, исправник, стряпчий, следователь и представитель от духовенства священник Антоний. Б. И. Грязнов был арестован, его приказали пытать, выбили два зуба и проломили голову. В результате расследования московская комиссия пришла к выводу, что В. Грязнов «человек редкой добродетели, человек Божий и истинный христианин». И этому человеку в ту пору было 29 лет.

С тех пор Василий Иванович, «по велению свыше», стал принимать всех обращавшихся к нему за помощью. Кому он помогал деньгами, кому добрым советом, кому молитвою. Но наиболее активную деятельность он вел среди раскольников, старообрядцев, которые благодаря его духовно-нравственному влиянию воссоединялись с православной церковью.

Духовная деятельность В. И. Грязнова, выведенная на первое место в Житии, в реальной жизни, по крайней мере, в конце 1840-х – 1850-е годы совмещалась с достаточно активной торгово-промышленной деятельностью. В этот период он уже является купцом первой гильдии, и в 1855 году, объединив капитал с Я. И. Лабзиным, становится совладельцем платочной мануфактуры. Краевед 1920—1930-х годов М. П. Смирнов – исследователь истории Старопавловской фабрики (мануфактуры Лабзина и Грязнова) – отмечает, что Грязнов «был ловкий и умелый администратор и коммерсант и много содействовал лучшей и более прибыльной постановке предприятия, а также был не менее зятя популярным в Посаде, среди граждан которого и до сих пор передается легенда об этом компаньоне Лабзина – по одним легендам – разбойник и кутила, по другим – праведник, целитель и утешитель».

Не менее красноречивое свидетельство о деловых качествах Василия Ивановича представляют отзывы о нем и личные поручения митрополита Московского Филарета, который поручил Грязнову в 1858 году «как искреннему любителю иночества иметь наблюдение при устройении Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря» совместно с его первым настоятелем игуменом Парфением. Об активном участии В. И. Грязнова в строительстве Гуслицкого монастыря свидетельствует переписка митрополита Филарета с наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандритом Антонием, где в нескольких письмах упоминается В. И. Грязнов. В письме от 22 апреля 1859 года митрополит Филарет предполагает «отпустить» Парфения и «возложить труд на Грязнова» (труд по устройению монастыря). А в письме от 11 сентября 1859 года митрополит Филарет называет В. И. Грязнова «поручителем» и рекомендует «спросить... что он думает», то есть Василий Иванович курировал строительство монастыря и принимал участие в решении хозяйственных вопросов. Данная переписка свидетельствует о том, что при строительстве Гуслицкого монастыря было допущено перерасходование средств и по окончании строительства «на нем оставался долг в двадцать три тысячи рублей». Этот факт оказал влияние и на дальнейшие события в судьбе самого Грязнова.

Строительство Гуслицкого монастыря было начато по желанию императора Александра II, который поручил М. Н. Муравьеву (министр государственных имуществ) «отнестись к Высокопреосвященному Филарету, Митрополиту Московскому, и спросить его, не может ли принести пользу, в видах постепенного уничтожения раскола в стране Гуслицкой, учреждение между заблудившимися мужских монастырей и женских общин, и при них училищ, больниц и богаделен?» Выполняя волю государя императора, митрополит Филарет поручил игумену Парфению «отправиться в Гуслицы, объехать всю страну эту и избрать место, удобное для сооружения монастыря». По результатам поездки о. Парфений «донес Владыке, что он нахо-

дит самым удобным и даже необходимым устроить мужскую обитель у Спаса на Мошеве, а для женской общины полагал избрать приходскую церковь Никиты Мученика, что на Дрезне».

Митрополит Филарет предполагал после окончания строительства Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря начать строительство указанной женской общины, пользуясь и в этом деле помощью В. И. Грязнова. Но в связи с большим перерасходом средств при устройении Гуслицкого монастыря митрополит Филарет сомневался и не решался начать новое строительство. В письме к архимандриту Антонию он говорит так: «Министр желает, и думает, что сие угодно будет Государыне Императрице. Парфений представляет, как сократить расходы. Грязнов говорит, что некоторые придут и построят кельи от себя. Трудный вопрос, кому быть строителем. Парфений опять обочтется. Грязнов говорит, что можно найти купца: но в таком случае дело опять надобно будет вести на удачу. И как вверить частному лицу царские деньги. На частные приношения нет надежды».

В результате этих сомнений разрешение на устройство женской общины получено не было. Однако после смерти В. И. Грязнова Я. И. Лабзин добился разрешения на строительство храма с последующей организацией при нем женской общины. Как отмечает М. Ф. Грачев, Я. И. Лабзин «устроил» женскую общину «на свои собственные средства, без всякого со стороны Правительства пособия в восьмиверстном расстоянии от Дрезны». Таким образом, женская община, «не устроенная» В. И. Грязновым, была открыта при вновь построенном храме, но уже на его могиле. Возможно, если бы Василию Ивановичу удалось построить женскую общину при храме Никиты Мученика на Дрезне, то не было бы Покровско-Васильевского храма на его могиле и не случились бы все последующие события.

В последнее десятилетие жизни В. И. Грязнова – 1860-е годы – «по благословию святителя Филарета Василием Ивановичем в Павловском Посаде для ищущих постнического жития было основано мужское общежитие». Для этого на земле Я. И. Лабзина был выстроен двухэтажный дом и отдельно келья для В. И. Грязнова. В этот период жизни Василия Ивановича почитали как старца. К нему за советом, помощью, благословением приходили люди не только из окрестностей Павловского Посада, но и из других губерний, и он оказывал не только финансовую или словесную помощь, но и по некоторым свидетельствам излечивал.

В середине XIX века в России, можно сказать, была «мода» на старчество. Старцами становились не обязательно священнослужители. Вспомните описание обители и деятельность старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Этот старец – бывший помещик, в молодости служивший в армии на Кавказе, то есть человек, не получивший специального духовного образования и не имевший духовного сана. Старчество в православной церкви считается особым родом святости, открывающим дар различения духов, прозорливости и дающим право на духовное руководство. Василий Иванович Грязнов – человек с большим жизненным опытом, начавший свой «подвижнический путь с покаяния», – стал таким старцем. Его почитали при жизни, а после смерти особым почитанием была окружена его могила, и уже через пять лет на ней был выстроен храм.

История строительства Покровско-Васильевского храма и организации при нем женской общины также не проста. Разрешение на строительство храма было получено Я. И. Лабзиным от Консистории 2 июня 1870 года, то есть достаточно быстро после смерти Грязнова (умер 16 февраля 1869 года). Нижний этаж храма был освящен в 1874 году во имя Преподобного Василия Исповедника Преосвященным Игнатием, епископом Можайским, «верхний же храм оставался не отделанным». Нужно отметить, что данный храм являет собой достаточно редкий вид постройки: он состоит из двух самостоятельных и достаточно вместительных храмов – нижнего и верхнего. Отделка и освящение верхнего храма произошли уже после смерти Я. И. Лабзина (умер 2 декабря 1891 года). То, что за 21 год с начала строительства храма в 1870 году и до смерти Якова Ивановича ему не удалось завершить строительство, свидетельствует о наличии препятствий к этому.

В 1871 году собрание обывателей при городской думе уступило Я. И. Лабзину безвозмездно участок земли около городского кладбища для устройства «собственным своим иждивением в Павловском Посаде дома для призрения увечных, престарелых и бедных сирот женского пола, преимущественно из посадских обывателей разных сословий». Однако этому воспротивились мещане Посада. В «Выписке из дела Павловской городской думы по тяжбе мещан с посадом относительно выгонной земли» сказано, что «после освящения нижней церкви в 1874 году Я. И. Лабзин по причине многих происков мещан Дубровской Павловского Посада слободы приостановился от исполнения задуманных построек». Почему мещане так сопротивлялись и боролись за эту землю около городского кладбища, отданную для благотворительных целей, тем более эта земля представляла собой «преимущественно болота и кочкарник», неизвестно. Тем не менее, задуманное богоугодное учреждение было организовано Лабзиным в 1885 году, а в 1894 году, уже после его смерти и открытия верхнего храма, по ходатайству его наследниц это «благотворительное женское общежитие» было переименовано в Покровско-Васильевскую женскую общину, с организацией при ней приюта на 12 человек бедных детей и сирот.

В конце XIX – начале XX века, после завершения дела по устройству монастыря, наследники Лабзина и Грязнова подготовили картины с изображением Василия Ивановича, опубликовали его житие и духовное завещание, с целью канонизации Грязнова, но в то время это событие не состоялась. А в октябре 1920 года в Павловском Посаде состоялся судебный процесс, на котором В. И. Грязнова заклемили как разбойника и кутилу. В отчете VIII Всероссийскому съезду Советов VIII ликвидационный отдел Наркомата юстиции сообщает: «В Павловском Посаде разбиралось любопытнейшее дело по обвинению бывшей купчихи I гильдии Ольги Яковлевны Лабзиной, бывшего купца I гильдии Василия Никифоровича Грязнова и игуменьи Покровско-Васильевского монастыря... Алевтины в мошеннической инсценировке культа бандита, скопца, купца I гильдии Василия Ивановича Грязнова». Обвиняемые «в целях духовного одурманивания и экономического угнетения трудящихся масс... размножали и распространяли апокрифы о нем, картины, портреты, фотографии с подложным содержанием, иконы; подвергли пальцы от трупа Грязнова смазыванию эфирными маслами для придания им вида так называемых „мощей“. Ольга Лабзина составила в обычном для воинствующего православия духе житие В. И. Грязнова».

В ходе судебного процесса многие монахи и священники в своих показаниях отмечали, что В. И. Грязнов был вор, разбойник и кутила, и, ведя разгульную и пьяную жизнь, он одновременно занимался чтением церковной литературы, посещал храмы и т. п. Появление данных свидетельств в период активной борьбы советской власти с религией и церковью, на наш взгляд, не случайно. В Павловском Посаде сохранилась легенда о разбойнике Василии Чуркине, который жил в середине XIX века и прославился своими «деяниями» в Павловском Посаде и окрестностях. Недалеко от города в лесу есть место, до сих пор называемое Чуркина поляна, – поляна, на которой, по преданию, собирались «соратники» и «сподвижники» Чуркина на свои сходки и делили награбленное. Василий Чуркин – личность не менее знаменитая и легендарная в Павловском Посаде, чем Василий Грязнов. В 1883 году в Москве был опубликован роман в трех томах «Разбойник Чуркин. Народное сказание „Старого знакомого“ Н. И. Пастухова», а в 1908 году было осуществлено второе издание романа в четырех частях. То есть в середине XIX века в Павловском Посаде жили два известных и впоследствии легендарных человека по имени Василий, и обоим предание связывает с «разбойничьим промыслом».

О. Я. Лабзина – автор первого жизнеописания В. И. Грязнова, отмечает, что такую фамилию Василий Иванович взял себе сам в минуту раскаяния, «в скорби от сознания греховности своей жизни». К тому же, как признала комиссия по канонизации, Василий Грязнов начал «подвижнический путь с покаяния» (согласно христианскому учению церкви более дорог один раскаявшийся грешник, нежели десять праведников), и, видимо, эти факты биографии, дока-

зывающие наличие неких поступков в жизни Грязнова, требовавших раскаяния и покаяния, невозможно было обойти О. Я. Лабзиной, так как были живы свидетели. Через 50 лет после смерти Грязнова, когда готовился и проходил судебный процесс, некоторые факты биографии Василия Чуркина, видимо, были перенесены и приписаны Василию Грязнову. Было это сделано сознательно или же по стечению обстоятельств – в настоящее время судить сложно. В 1920 году было не так много живых свидетелей жизни В. И. Грязнова. Люди в возрасте 60—70 лет могли помнить Грязнова по детским и юношеским воспоминаниям в последний период его жизни, а свидетели более старшего возраста не фигурируют в документах судебного процесса. В то же время в народе бытовало предание о другом Василии – разбойнике, живых свидетелей жизни которого также было не много. Однако в соответствии с обнаруженными на сегодняшний день источниками и документами мы не можем отождествить эти две личности: основная деятельность Василия Чуркина приходится на 70-е годы XIX века, а Грязнов умер в 1869 году. Но несомненно то, что в период судебного процесса некоторые факты биографии Чуркина были использованы и следователями, и свидетелями применительно к Грязнову.

По итогам судебного процесса 1920 года был снят художественный немой фильм о Василии Грязнове. Фильм начинается кадрами судебного процесса, а затем вдруг лесная поляна, разбойники с их главарем (по ходу фильма выясняется, что главарь – Василий Грязнов) обсуждают детали предстоящего «дела». После удачного ограбления с убийством В. Грязнов возвращается домой и «превращается» в человека, жизнь которого проходит в богомыслии и чтении слова Божия и святоотеческих преданий. В фильме показаны все основные события жизни В. Грязнова, но с точки зрения двойственности его деяний: внешняя жизнь в трудах, молитве и помощи ближним и тайная жизнь в качестве главаря разбойничьей банды. Таким образом, если о Чуркине в XIX веке был написан многотомный роман, то о Грязнове в соответствии с новейшими достижениями техники был снят художественный фильм.

Начало канонизации Василия Ивановича Грязнова в 90-е годы XX века положила исследовательская работа Павлово-Посадского краеведческого музея. Еще в 1995 году музей занялся поиском документальных материалов судебного процесса 1920 года и вопросом о том, куда были вывезены картины и документы, подготовленные для канонизации в начале XX века. В Павловском Посаде практически не сохранилось документальных свидетельств о жизни В. И. Грязнова и о судебном процессе, а к имени Грязнова был приклеен ярлык – «разбойник», иначе его не называли. В результате поисков выяснилось, что все материалы по этому делу были переданы сначала в Московский антирелигиозный музей, а с 1930 года хранились в Санкт-Петербурге в Государственном музее истории религии. В 1997 году весь комплекс документов о В. И. Грязнове был привезен в город.

С момента возвращения реликвий в Павловский Посад возрожденный к тому времени Покровско-Васильевский монастырь во главе с игуменом отцом Андреем начинает подготовку к канонизации. 11 июня 1999 года комиссией Московской патриархии было проведено вскрытие склепа, где был захоронен Василий Грязнов, и произошло «обретение мощей» святого, а 7 августа того же года в Павловском Посаде состоялось празднование, посвященное причислению к лику местночтимых святых Московской епархии Праведного Василия Павлово-Посадского.

В жизни и деятельности Василия Ивановича Грязнова и его компаньона Якова Ивановича Лабзина, а также в посмертных событиях, связанных с их именами, есть еще много тайн и загадок, требующих своего разрешения. Но как бы то ни было, у города есть свой святой, небесный покровитель, человек, чья жизнь оказала немалое влияние на духовную и материальную историю Павловского Посада.

Деяния во славу Господа Бога надолго остаются в памяти людской, являются связующей нитью поколений; о них помнят, эти предания, со временем приобретающие легендарную

окраску, передают как наследство потомкам, они связывают события прошлого и настоящего, объединяя столь разные и далекие поколения.

Сказ о старопавловской шали

Виктор Ситнов

Прошло уже 6 лет с того момента, как ушел от нас мой муж, Виктор Ситнов. Через призму времени становится понятным, насколько многогранным и талантливым человеком он был: писателем, поэтом, историком-краеведом, литературоведом, замечательным мужем, отцом, дедом. Виктор восхищался родным краем: его историей, природой, людьми. И конечно, в своем творчестве он не мог не коснуться темы павловопосадского платка. В 2008 году впервые был издан «Сказ о старопавловской шали». В этом поэтическом произведении в художественно-сказовой форме на местном фольклоре он пишет о зарождении старинного набивного ремесла, ставшего одним из известных промыслов России.

Хочу поделиться им с вами...

Татьяна Ситнова

Давным-давно это было. Так давно, что уж и самые древние старики позабыли. А уж молодые и вовсе не ведают про эту дивную историю, похожую на сказку.

...Жил в наших вохонских краях на деревне Меленки мастеровой человек по имени Павел. За какое ремесло ни брался, все у него ладилось-спорилося. Ежели надо – он и бондарь, и плотник, и гончар, и кузнец, и шорник. Охотой тоже промышлял. Молодая жена его, Марьюшка, тоже была и рукодельница, и красавица. Самое лучшее полотно на деревне ткала. В ладу да согласии жили они, да пришло горе, откуда не ждали. Полоскала раз Марьюшка зимним днем полотно у полыньи да поскользнулась, видать, нечаянно. И крикнуть не успела, как под лед ее затянуло. Только полотно на снегу осталось...

Детишек у них не было. Загоревал, закручинился Павел, поседел с горя, запил горькую, ремесло забросил. Ничто его не утешает. Весна-красна пришла, а ему все постыло. Возьмет ружьишко да в лесу пропадает.

Сидит он раз на опушке, голову повесил – тяжелую думу думает, тоску свою горькой заливаает. Слышит вдруг – вроде крылья в вышине заплескались. И пальнул он против солнца, не глядя. Бац! Упала к его ногам прекрасная белая птица-лебедь, крылья окровавленные раскинула. Глянул Павел в небо. Кружит и голосит в вышине вторая птица. Так призывно кричит, что сердце шемит. Покружил-покружил лебедь, поднялся повыше, сложил крылья и – камнем вниз. Да прямо об пень расшибся возле Павла так, что перья полетели.

Шея с клювом окровавленным запрокинулась. Болью екнуло сердце у Павла – что сотворил, окаянный!.. Зажгло в душе. Опустился мужик на колени перед птицами и заплакал. Первый раз забыл о своем горе: «Простите, лебедушки, проклятого-неразумного. Не хотел греха, лукавый попутал...» Исказнился Павел, уж весь хмель из головы вышел. Взял свое ружьишко за ствол да в сердцах, размахнувшись, так хрястнул им об пень – аж на куски оно разлетелось. Видит вдруг: у первой птицы глаз приоткрылся и крыло едва дрогнуло. «Аль жива, милушка!» – обрадовался Павел. Взял птицу осторожно на руки, изо рта попоил, домой понес.

Долго выхаживал Павел лебедушку, травами пользовал, выкармливал, как дите малое. Выходил-таки. Ожила лебедь, срослось крыло перебитое. Из рук есть стала. Привыкла к Павлу – ходит за ним по двору, любопытствует, чем мастер занимается. В избу зайдет – тоже ко всему приглядывается. Павел ее любовно хозяйшкой зовет, про старую кручину за делами да заботами забывать стал.

Однажды возвращается он из лесу, и странное дело: лебедушка его не встречает, как бывало, а двор да крыльцо выметены, сени прибраны. Зашел в горницу – глазам не верит: все

чистотой сверкает, стол накрыт угощением, а рядом стоит девица русая красоты неписаной – в сарафане белом, красными лебедями расшитом. И сама стройная, как лебедушка. Поклонилась она в пояс Павлу, очи с поволокой ниц опустила. Зашлось у мастера сердце, сам стоит ни жив ни мертв, боится, что чудится ему все это да вдруг пропадет-исчезнет, как сон... А она ему ласково: «Не тревожься, Павел-мастер, не удивляйся госте незваной-нежданной. Коли что не по душе – скажи, все станется по-прежнему». Догадкой осенило его сердце. Робко поклонился он и вымолвил:

– Как звать-величать тебя, краса-девица?

Подняла она очи и грустные, и лукавые:

– Не спрашивай ни о чем, скажи только, Павел-мастер, любо тебе со мной будет или нет? Только прежде крепко подумай...

Глянул он в ее мудрые печальные очи и бухнулся на колени:

– Любо! Сделай милость – останься у меня хозяйюшкой!

– Ну, раз любя я тебе, – так и зови меня Любушкой. А коли хочешь, чтоб осталась я, поклянись, что боле никогда в лебедей стрелять не станешь. Да помни: как нарушишь слово – не видать тебе счастья...

И поклялся он ей верной клятвой. ...Стали они вместе жить-поживать, радоваться друг на друга. Скоро и сынок у них родился. Павел совсем охоту забросил, ремеслом занялся. А Любушка его за дитем ходит, по хозяйству хлопочет – со всяким делом споро управляется да еще улучшает минутку рукодельем заняться. Никогда не видывал Павел, чтоб так искусно кто полотно вышивал.

Расстелет, бывало, Любушка на зеленой лужайке выбеленный на солнышке плат, разложит по нему живым узором цветы садовые или полевые, ягодки лесные, травки да бутоны. Глянет придирчиво и переложит стебелек-другой. Спросит Павла, улыбаясь:

– Любо ли твоей душеньке и очам такое узорочье?

– Любо, ладушка моя.

– Ну-ка, а теперь глянь... – положит в середочку веночек из васильков.

– Еще краше, голубушка!

– Так и вышию, родной...

Соберет Любушка с плата цветы, а узор тот в памяти сохраняет. Смотришь – через неделю-другую расцветает белый плат тончайшей вышивкой; цветы да букеты на нем – как живые, и ни единого узелка не отыщешь ни с лица, ни с оборота.

...Однажды к празднику принес Павел на вохонскую ярмарку узорную шаль дивной красоты. Едва развернул товар – обступил его народ, все только ахают, и никто не смеет за такую красу цену давать. Вдруг, откуда ни возьмись, появился возле дивного товара бойкий заезжий московский купец и, недолго думая, отсчитал Павлу звонкого серебра втрое больше, чем тот хотел запросить. Свернув шаль, хитро ухмыльнулся купец в усы и кликнул толпе:

– Не горюй, крещеный люд! Приходи сюды на ярмарку через год – всем задешево продам такие платки, мое слово верное!

Так и случилось. Павел уж и забыл про купецкое обещание, да появились через год на ярмарке торговые люди с Москвы. Поразвесили они редкой красоты цветастые шали. Возле красного товара народу собралось – тьма! Как узнали люди цену – шумный да веселый торг пошел. Примеряют бабы да девки яркие узорные платки, обмирают от удовольствия, а мужичкам приходится только кошельки развязывать...

Павел так и ахнул, когда вдруг увидел сразу дюжину таких же шалей, какая была вышита его Любушкой и продана им на прошлой ярмарке московскому купцу. Только эти были не вышитые, а вроде как расписные. И ценой втрое дешевле его новой шали, привезенной нынче на продажу. Ею народ только любит, как диковинкой, а покупает, однако, товар привозной – дешевый. Да и как не купить, коли торговцы так зело его нахваляют. Разве прой-

дешь мимо, когда зазывают так бойко да складно: «Люди добрые, подходите! Шали московские берите! Шали редкие, расписные, дешевые-набивные!»

Смекнул Павел, что неспроста так долго и пытливо приглядывается к нему один из заезжих торговцев, и когда тот стал прицениваться к новой шали, Павел знал, что надо делать, чтобы выведать секрет москвитов. Сначала он заломил невиданную цену, потом стал рядиться и согласился уступить только после трапезы, потому как притомился... Прилипчивый торговец увязался за Павлом, а тому только этого и надо было.

Пока трапезничали в питейном ряду, Павел, угощая, так часто подливал в чарку Филимону (так звали торговца), что вскоре тот захмелел и размяк. Стоило его потянуть за язык, как он и открыл Павлу, что на Москве давно уж состоятельные купцы да оборотистые богатеи завели мастерские, где холопы и наемные работные люди на паровых, а больше на ручных станках ткут полотно. После на него резными фигурами деревянными, что манерами и цветками зовутся, поочередно набиваются разными красками разводы замысловатые, узоры да цветы диковинные. А как пропарят, промоют, просушат да кистями плетеными обвяжут – краше заморских выходят шали и не в пример дешевле. В один день много дюжин платков получается – вот тебе и барыш знатный! Конечно, одному с делом не управиться, потому хозяин и нанимает манеры резать искусных охтырских да кудринских резчиков, что из-под Троицы, а узоры наводить – гуслицких писцов, что секреты красок ведают.

Проведал Павел и то, у каких московских мастеровых и за какие деньги можно впрок красок да манер закупить и на дело глянуть для понятия... За хорошие деньги сторговал он Филимону свою шаль, а Любушке в подарок купил раскрашенный плат да еще с полвоза других гостинцев – для нее и сынка-проказника.

Радостный приехал Павел домой на Меленки. Жену и мальчонку подарками одаривает, рассказывает – об чем узнал от заезжих купцов. Слушает его Любушка с улыбкой приветливой, а в очах-то ее на самом доньшке тревожная грустиночка затаилась. Не заметил этого Павел – уж больно его новая дума захватила, что твое наваждение. Загорелось мастеру свое платочное дело наладить. И барыш будет, да и Любушке его нужды не станет глазоньки свои томить над вышивкой, – только знай узоры из травок да цветов выдумывай! А уж он-то, Павел, теперь знает, как красоту эту на плат перевести...

Через три дня снаряжился он в Москву, собрал все деньги, какие у него были, обнял жену с сыном, молвил на прощанье:

– Не кручинься, Любушка, через неделю вернусь, чаю, не с пустыми руками. Ужо наладим дело – знатно заживем: и серебро, и золото будет!

– Не то золото дорого, что в кошельке, – вздохнула Любушка, – а то, что в душе. Помни об этом да возвращайся поскорей.

Долго махала она вслед Павлу, и не видел он, как печаль великая поднялась со дна ее очей...

Больше недели пробыл Павел в Москве, крутился как белка в колесе, однако, что загадывал, все исполнил. Нарочно в двух платочных мастерских нанимался работать, как холоп, по три дня только за одни харчи, зато успел все высмотреть да выспросить. Кому подсобит, кого угостит, кому серебряный пяточок подарит, а к кому и в гости угодит. У одного доброго резчика целый набор деревянных манер купил, потому как скупой заказчик их не брал, сбивая цену. Раздобыл Павел и нужный инструмент, и всякой краски несколько бочонков по сходной цене, даже небольшой котел сторговал у медника. А на оставшиеся деньги купил большой кусок полотна впрок и гостинцев для Любушки с сынком.

На двенадцатый день рано поутру с полным возом добра отправился он в обратный путь. На радостях решил было засветло до дому добраться, ан не успел. Уж ночь опустилась, а до деревни еще верст десять. Боязно одному по лесной дороге ехать: ну, как разбойные люди нападут... Видит вдруг: сбоку на полянке у болотинки огонь мерцает. Кажись, и голоса слы-

шутся. Не лихой ли народ?.. Хотел Павел мимо проехать, да не тут-то было: вынырнули из темноты псы, окружили телегу, лай подняли. Подошли люди с ружьями, но зря Павел испужался – то охотнички местные оказались. Как узнали, что человек из Москвы, шибко обрадовались. Отпускать Павла ни за что не желают. Ведут к костру, усаживают, как дорогому гостю чарку подносят, дичинкой угощают да подливают то и дело. «Расскажи, мил человек, про Москву», – все трое просят. Захмелел Павел, разомлел у огня. Пустился в рассказы о благолепии московском, о соборах, теремах да ярмарках, о людях иноземных да товарах редкостных. Где и прибавит малость для красного словца – уж больно нравится Павлу, как охотники ахают от удивления да подливают ему в чарку. А уж потом они и сами разошлись – городят небылицы наперебой. За веселым пиром не замечают, как на востоке посветлело...

...Проснулся Павел от пальбы. Что такое! Зорька еще сырой туман не рассеяла, а два пьяных охотника лупят вверх в кого-то, никак попасть не могут, а третий крепко спит в обнимку с ружьем.

– Ах вы, мазили такие-сякие! – обругал их спросонья Павел. – Ну-ка!..

Взял он у спящего соседа ружьишко и, не вставая с колен, бабахнул прицельно в туман по какой-то большой птице.

– А-а-о-ох!..

Вдруг с высоты на всю округу раздался разрывающий душу не то крик, не то стон девичий. Оторопели охотнички, стрелять перестали, а у Павла в глазах разом свет померк и сердце ожгло. Как узнал он голос – вмиг отрезвел. Бросил ружьишко, вскочил в телегу и погнал лошадь нещадно. Чуть насмерть кобылу не загнал. Подлетел к дому, бросил телегу, в горницу побежал. Мальчонка на лавке спит, а боле нет никого. Выскочил Павел на задворки, видит: на траве белый плат расстелен, на нем – свежие цветы, ягодки разные да зелень узором разложены, а в середине на полотне два пятнышка алеют, словно ненароком кровью капнули. Возле в площадках деревянных – краски дивной яркости светятся. А Любушки не видно...

Стал ее Павел громко кликать. Тишина. Мечется он по двору, за околицу выбегает, соседей выспрашивает – куда его жена подевалась. Никто не знает. А сердце, беду чуя, все уж изболелось. Сел он, обессиленный, на порог, уронил в ладони буйну головушку. Вдруг мнится или слышится ему откуда-то голос Любушкин:

– Что же ты наделал, Павел-мастер!.. Аль забыл свою клятву верную? Не сумел ты сдерживать слова заветного, не уберег свое счастье светлое. Сам себя наказал ты карой тяжкою: отныне жить тебе без Любушки тридцать лет и три года...

Встрепенулся Павел, да никого не увидел. Упал на землю – рыдает, сердешный, убивается. Надумал утопиться с горя, дошел до речки, да вдруг вспомнил про дите малое – на кого сиротинушка останется?.. Глянул Павел в воду и не узнал себя: седой сделался в одночасье. Пошатываясь, побрел он обратно. Ноги сами привели его к Любушкину плату, что за домом на травке расстелен. Опустился перед ним на колени, глядит, а слезы глаза застилают, мысли в голове путаются. Вдруг опять – словно шепчет откуда-то голос родной: «Сохрани узорочье, Павел, и краски – тож. Не простые они – живые. Сама их сготовила: розу взяла у зореньки, голубец – у реченьки, зелень – у травушки, золотко – у солнышка... Как новому ремеслу обучишься – сработай да укрась для меня эту шаль, а уж я за ней тогда сама приду. Не спеши только, миленький, тут большое уменье да терпенье надобно. Любовь твоя да поможет тебе, коли меня не забудешь. Да запомни мое слово: ежели хочешь красу понять – забудь про золото, слушай сердце свое да землю-матушку. Работай радостно, а вина не пей боле: зло от него людям. То же и сыну нашему закажи, когда вырастет. Прощай...»

– Пропади оно пропадом, зелье проклятое! – горько застонал Павел. – Как же теперь жить без тебя, Любушка моя? Белый свет не мил. Как вернуть тебя, чем вину искупить – научи – все сделаю!..

Долго казнился и мытарил свою душу Павел, ожидая ответа. Так и не дождался. Измаявшись, присмирел мастер, совсем духом упал. Потом вспомнил, что Любушка про шаль говорила, глянул на плат и встревожился: как же такую красу сохранишь? Однако придумал.

Мальчонку добрым соседям на присмотр отдал, а сам, не разгибаясь, три дня острым угольком обводил на полотне живой узор да чудесными красками помечал, чтоб не забыть, где какой цвет потом положить. При надобности краски по капельке смешивал, подыскивая верный колер, как тому в Москве научился. Соседи подумали, что спятил мужик, близко подходить боялись. А Павел, как работу закончил, полотно с рисунком сложил бережно, краски живые в новые склянки закупорил и все это в сундук до поры спрятал.

С тех пор переменялся Павел: помрачнел, замкнулся в себе. Глубокой бороздой залегла на челе его какая-то забота тайная. А что за забота – никому не рассказывает, да об том и не пытается его никто. Люди и в глаза-то ему заглядывать боятся: тоска в них вечная и какая-то вина непонятная, да еще что-то такое, от чего не по себе становится. Человек, вроде, и худа никому не делает, а все одно сторонится его народ деревенский. Даже вдовы озорные и молодухи, что летось тайком заглядывались на справногo мужика, ныне, опустив очи, сторонкой его пугливо обходят... Все хозяйство Павлу самому приходится вести. Приохочивает он к малым хлопотам сынка Ванюшу, да не больно выходит.

Между тем, минуло лето красное, отгорели золотыми кострами рощи березовые, опустился на леса и доли белый покров. Как-то зимой тяжело занедужилось Павлу, видать, застыл шибко. Совсем слег мастер, помирать было собрался. Да не дал ему пропасть сосед, Егорка-бобыль, добрая душа. Ведал Егорка силу трав целебных, выходил он Павла, поднял на ноги. В благодарность открылся ему мастер, что хочет платочное дело наладить, позвал в долю, половину барыша посулил. Егорка был малый с понятием, расторопный, веселый, да и заработать не дурак. Словом, мужик – от скуки на все руки. Правда, один грешок за ним водился: имел Егорий к бражке пристрастие. Зато грамоте знал...

Однако ударили они по рукам и по весне взялись за дело. Перво-наперво срубили просторную пристройку для мастерской. В светлом углу широкий стол для набивки полотна поставили и полки для красок и манер. Через стену Павел придумал сложить хитрую печь с котлом для запарки товара, куда проще и сподручней тех, что в московских мастерских видел. И бочки для промывки, и все прочее устроено было как следует.

За делами незаметно год промелькнул. Еще год обучались они новому мудреному ремеслу – набивать цветные узоры на запасенном полотне покупными резными манерами, закреплять набойку по горячему да доводить ее до товарного виду. Что ладно выходило – на торг выносили. На вырученные деньги кормились да покупали припасы всякие для мастерской. Как поднаторели в набивке – дело веселей пошло.

Зорко приглядевшись к привозному товару, Павел смекнул однажды, что старыми манерами можно прежний узор иным колером набивать: плат будто другим получается. Однако хитрость эта недолго выручала. Все одно пришлось самим учиться цветки резать, чтоб поменять узор; прежний-то уже не больно брали и давали меньше. Московские же купцы куда бойчее торговали своим цветастым товаром.

С непривычки тонкое резное дело туго Павлу давалось. Сколько зим прошло, прежде чем одолел он резное искусство. Помог ему завет Любушкин о терпении великом и зоркости душевной к земле-матушке. Прикасаясь сердцем к природе, по-новому познавал ее мастер, и она открывала ему свою красу.

И хотя пока не мог Павел сработать тончайшие резные цветки к дивному узорочью заветной Любушкиной шали, платки у него выходили все краше и наряднее. С каждой осенней вохонской ярмаркой все больше и дальше расходилась слава о добром платочном мастере Павле и его шальях, уже прозванных в народе «павловскими». На те, что узорней и дешевле московских, пошли мастеру дюжинные заказы от заезжих купчиков. Да не брал их Павел,

потому как не артель у него... Хотя, ежели какой захожий человек просился за харч поработать в мастерской зиму-другую, Павел не отказывал, да еще и приплачивал за усердие.

Шло время, дела ладились, и барыш рос. Но одно тревожило мастера, что Ваня-сынок, хотя и отроком стал, не больно к делу радел, а все больше лодырничал да клянчил у батьки «на пряники». Часто Павел баловал парня обновками и не заметил, как тот до срока, едва пушок на губе пробился, по вечерам в хоровод ходить стал. Проглядел Павел и то, как Ванюша после общей трапезы тайком из Егоровой кружки наладился бражку допивать. А «добрый» дядя Егор иной раз, изрядно захмелев, и сам по простоте душевной стал угощать любимчика.

Однажды по осени приплелась к Павлу из соседней деревни заплаканная баба, ведя силком девку, что от стыда лицо рукавом закрывала. Обливаясь горячими слезами, пожаловалась баба мастеру, что доченька ее, Дарьюшка, от его Ваньки тяжелая ходит, и отец грозит ее нынче с позором со двора согнать... Позвал Павел сына, да так на него глянул, что тот задрожал, как лист осинový, и, на колени бухнувшись, слезно в грехе своем покаялся. А как открыла Дарьюшка лицо свое светлое, кротким румянцем цветущее, да как увидел мастер смиренные очи ее, полные синей печалью, болью всколыхнулась в душе его кручина прежняя, полузабытая. Склонив седую голову, просил он прощения у Дарьюшки и матушки ее за сына своего неразумного-непутевого, за недогляд свой. Однако поворачивать некуда, потому и сказал свое слово:

– Коли люб тебе, девонька, Ванюшка мой, – ты прости его, окаянного, да сыграем свадьбу. Будешь мне дочкой родной, а батьке твоему добрый выкуп за тебя дам.

На том и поладили. Свадьбу честь по чести сыграли. Переехала Дарьюшка к мужу в дом, а по весне подарила своему Ивану сына, а Павлу – внука. Мальчонку, как положено, в честь деда Павлом нарекли.

Хотя изба у мастера была и не малая, однако Ивану сделалась тесной, потому как окромя отца, много места, особливо у окошек, занимал стол да полки с припасами для резного ремесла и прочих оказий. Как ни шибко был занят Павел по платочному делу, решил-таки сыну новую избу рубить. Не столько за Ивана душа болела, сколько за Дарьюшку с внуком. Уж больно пригожа и добра его невестка. И рукодельница не в пример муженьку, у которого, окромя продажи платков, никакое другое дело не ладится. А она во всякой работе мастерица завидная да еще какие славные колыбельные поет, сынишку убаюкивая. Голос у нее ласковый и печальный, из самого сердца идет. Как заслушается ее мастер, так слеза накапывается...

Через год поселился Иван с женой и сыном в новой избе, а Павел в старой остался. От зари до зари режет он новые цветки да с Егором на платки узоры набивает.

Дело же торговое как-то само собой к Ивану перешло. Заметным человеком он стал на ярмарках. Расхаживает детина в нарядном кафтане, сапоги до блеску налощены, волосы лампадным маслом напомажены, ус накручивает – как фон-барон какой. Торгует он куда бойчее отца. Особенно баб да девок наловчился товаром соблазнять, сладкой улыбочкой к лавке их подманивает, но зря копейки не уступит. Не любят его местные мужички, однако за оборотистость хвалят, особенно когда он с доброй выручки угощает на радостях. Тут уж дружков хоть отбавляй...

Выручку Иван меж отцом и дядей Егором делит, себя тож не обижает. Однако припасов для мастерской из своего пая не покупает. На полотно да краски тятенька раскошеливается. Меж тем как у Ивана мощна прибывает, Павел едва концы с концами сводит. Вся мастерская на нем держится. Егор-то с доходу погуливать стал: другой раз дня по два-три «гостит» у кого-то... А как совсем неумоготу стало Павлу, отдал он свою мастерскую сыну, сам же обещался резьбой помогать. Чтобы дело не остановилось, в помощь Егору наняты были два мужичка из местных, что половчее.

...Быстрой реченькой время бежит, однако мастер его не замечает. Одной думой теперь живет Павел. Затворившись в своей избе, тайно режет он цветки тончайшего узора для завет-

ной Любушкиной шали. Выходит только в лес да в поле, чтоб получше разглядеть живую красоту травок и цветов. Одна осталась для мастера отрада – на Дарьюшку с внуком взглянуть. Уж больно сметливый да пытливый Павлушка растет – все спрашивает, все узнать хочет, всем помогать лезет. С тяткой на ярмарки ездит, но больше тянет его в мастерскую с красками да манерами играть. А то сядет смиренно возле маменьки и смотрит, как она полотно на стане ткёт...

Прошло еще немало зим и весен, прежде чем дорезал Павел последнюю, двенадцатую цветку. Глядит на свою работу и сам же дивится: отродясь не видывал такой тонкой резьбы!..

Однажды, когда Иван на неделю распустил мастеровых, а сам по торговым делам поехал в Москву, Павел достал из сундука склянки с живыми красками, приготовил колер по тем пометам, что на Любушкином платке когда-то оставил, и тайно, с замирающим сердцем, не уставая удивляться чуду, которое творил своими руками, три дня набивал невиданной красоты узор, с каждым новым проходом поражающий все боле и боле. Волшебником и чародеем чувствовал себя мастер в эти счастливые дни. Живых красок едва хватило на все двенадцать проходов. Еще два дня отделявал мастер шаль, а на шестой день тонкими кистями в семь рядов обвязывал. Как все закончил, цветки свои и шаль снова в сундук спрятал.

Ночь настала, но не может Павел уснуть: все ему кажется, что Любушка его нынче явится. Уж в окошках светлеть стало, как вдруг задремавший Павел услышал ее голос:

– Ежели готов твой подарок, Павел-мастер, расстели его с вечера на моей лужайке за домом, приду за ним. Да сам не показывайся. До сроку не увидеться нам с тобой...

Весь день мастер ходил сам не свой, а как солнышко садиться стало, расстелил он дивный свой подарок на луговинке, что на задворках, а сам в старой деревянной баньке схоронился и стал сторожить Любушку. Однако сморил его сон и не увидел он, как на рассвете, откуда ни возьмись, опустились на луг четыре прекрасных лебедя, подхватили за уголки шаль, взмахнули белыми крылами, поднялись под небеса и скрылись за синим лесом. Очнулся Павел, стряхнул с себя чары сна, выбежал на лужайку, глядь – нет шали. Только одно белоснежное перышко на изумрудной траве светится. Подобрал Павел перышко драгоценное, принес в избу, и сразу светлее и теплее стало в горнице.

На другую ночь привиделся Павлу вещий сон: явилась перед ним его Любушка – в белом вся, а на плечах – шаль – та самая, Павлом украшенная шаль. Ласково глядит на него Любушка-лебедушка и молвит тихо:

– Не печалься, горемычный мой, не кручинься. По сердцу мне подарок твой, дороже подарка не бывает: отныне душа твоя добрая со мною будет в шали этой. Как отогреется ею сердце мое, так навовсе вернусь я в края родные. Знак тебе будет на зорюшке. Дождись только, недолго уж осталось. А душа моя – с тобой...

Сказала так, протянула к Павлу белы рученьки и пропала – как и не было вовсе.

Проснувшись, увидел мастер: пуще прежнего сияет в красном углу лебединое перышко – что твое солнышко. «Ан и впрямь – то душа Любушкина?» – подумал Павел, и сердце его радостью наполнилось.

Сияло перышко весь день, и весь день ходил мастер праздничный. На радостях принес с базара Дарьюшке и внуку сладких кренделей к чаю. А за чаем отрок Павлуша выпытывал у него:

– А верно ли, деда, что ты секрет красы знаешь? Про то на селе говорят...

– Верно говорят. Ведаю, внучек, ведаю...

– Чего ж тогда тятке не сказываешь?

– Потому как секрет этот, Павлуша, не всякому по разумению. Понять его надо сердцем, а не разумом. Тятка твой так не умеет и не спрашивает. А вот тебе, голубчик мой, дай срок, все открою...

До полуночи тайно любовался Павел ласковым светом перышка и тихо улыбался. Но вдруг перышко разом померкло, и тревога черная сжала сердце мастера. Забрался он на печку, но маята великая не дала уснуть ему до света.

Уже развидняться стало, как вдруг услышал Павел тоскливый скрип телеги и дикий храп кобылий. Что-то зловещее было в этих звуках. Глянул старый в окошко и видит: то пришла и встала против дома, испуганно взбрыкивая, кобыла Ивана, а самого-то его нет. Вышел Павел на дорогу, и Дарья из своей избы выбежала, глядят – а в телеге-то, окромя помятого Иванова картуза да пустой бутылки, нет ничего.

Заохала Дарья, чуя неладное, а потом, за сердце схватясь, и вовсе на крик запричитала, заголосила, надрывая душу себе и Павлу.

На поиски снарядили Егора, и уже на другой день, воротясь из соседнего Богородска, он поведал, об чем дознался на тамошнем постоялом дворе. Иван-то, оказалось, наемни здесь три дня кряду гулял по кабакам, похваляясь богатыми московскими заказами, на кои подрядился со своею платочной мастерской. Здесь же, во хмелю, вздумал мастеровых себе нанимать, всех угощая впрок. И все бы ничего, да уж больно распоясался Иван. Задаривая жен чужих, без меры шибко с ними кавалерничал да непотребно с девками шалил, за что мужички и парни богородские грозилась его артельно оглоблей зашибить. Может, так оно и вышло, когда ввечеру отъехал Иван, а может, его, хмельного, одного на темной лесной дороге волки заели, либо какие лиходеи ограбили да порешили тайно. Разбойных людей в здешних местах завсегда хватало. Куда Иван подевался – никто про то не ведает, и следов никаких не осталось...

Долго горевали по Ивану. Меж тем Егор заявил, что намаялся он с мастерской, и вышел из доли на «вольные хлеба». Подручные тож разошлись. Опустела, замерла старая мастерская. Как повесил Павел на нее тяжелый замок, так совсем сник. Ничто старика не радует, ничего ему не нужно стало. И лишь единая забота держит его на земле – сторожит он заветную зорьку. Все глаза проглядел, почитай, совсем ослеп. Ан, все одно: выйдет спозаранку из избы, встанет против солнца и стоит, ждет. Одно лето ждет, другое, третье...

Однажды, как обычно, собрался он провожать солнышко. Но вдруг ярко залучилось лебединое перышко, осветилась горница знакомым трепетным сиянием, и услышал мастер голос желанный:

– Вижу, родной, как истомился ты ожиданием. День свидания нашего близится, однако не быть ему радостным, ежели несешь к нему в сердце своем кручинушку тяжкую и премудрость, без пользы от ближних хранимую. Замаяла тебя, Павел-мастер, эта ноша давняя, закрыла от тебя серой тучей светлые весны грядущие – наше с тобой продолжение. Ты оглянись-ка на внука нашего, соколика ясного. Не от нас ли с тобою в нем разум пытливый и пригожесть такая, и стать, и доброта? Не ради ли него все страдания наши? Не он ли любви нашей и верности вечное продолжение? Да погляди ты, как радеет Павлуша и тянется как к твоему ремеслу! И доколе не откроешь ему самое заветное и в деле не благословишь – не будет твоей душеньке успокоения. Так уж сердце людское устроено. Расстайся же, мастер, последним душевным старанием, а уж я тебе в том пособлю. Завтра до солнышка приводи Павлушу на взгорок, что на высоком вохонском бережку: будет ему подарок, коли не проглядит. А тебя мой подарок впереди ждет. Прощай...

После Любушкиных слов светлые слезы потекли по щекам старого мастера, и почувствовал он в сердце своем облегчение великое. Пошел он к Дарье в дом. Шибко обрадовался молодой Павел приходу деда, а тот, обнявши молодца сердечно, так долго и крепко держал его в своих объятиях, что Дарья от умиления слезу пустила. Держа парня за плечи, любуясь им и в ясные глаза его глядя, сказал мастер:

– Ну вот, сокол мой, и настал твой час. Мне помирать скоро, а тебе пора на крыло подниматься. Заждалось тебя дело настоящее, а без дела человек как без крыльев. И, опять же, секрет красоты, должно, узнать хочешь?

– Хочу, деда-голубчик, шибко хочу!

– Вот и ладно, внучек, с завтрашней зорьки и начнем. Дивная будет зорька...

...Чуть свет, когда еще дремали Меленки, привел старый Павел молодого на зеленый вохонский взгорок, откуда округу всю как на ладони видать, в молчании стояли оба, боясь нарушить словом чуткую тишину синеглазой рани. Неуверенно цвиркали ранние птахи, и, замирая, томила душа в ожидании чуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.